

Новосибирский научно-исследовательский институт
патологии кровообращения им. акад. Е. Н. Мешалкина
ул. Речкуновская, 15, Новосибирск, 630055, Россия
E-mail: tatch@ngs.ru

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ И ЛЬВИЦЕ: ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Рассмотрены особенности художественной структуры текста популярной в русской книжности конца XVIII–XIX вв. Повести о царице и львице, созданной на основе средневекового романа об Оттоне и Олунде. Центральной темой русской повести стало описание мучений, выпавших на долю оклеветанной царицы, что обусловило значительные изменения структуры повести по сравнению с романом. Сопоставление текстов Повести об Оттоне и Повести о царице и львице позволяет сделать вывод, что русская повесть – оригинальное произведение, связанное с первоисточником общим сюжетом.

Ключевые слова: Повесть о царице и львице, Повесть об Оттоне и Олунде, художественная структура, житие-мартирий, волшебная сказка.

Повесть о царице и львице была создана в 1690-х гг. на основе переведенного с польского языка средневекового рыцарского романа¹ об Оттоне и Олунде [Krzyżanowski, 1962. S. 59; Košny, 1967; Małek, 1983. S. 32–62; Соколова, 1998; Чалкова, 1998], имела долгую литературную историю и была чрезвычайно популярна – насчитывается около 250 списков повести конца XVII–XIX вв. Характер отношений Повести и ее источника является одной из исследовательских задач литературной истории русского памятника [Чалкова, 2008]. Выявление худо-

жественного своеобразия Повести о царице и львице может внести определенный вклад в решение проблемы. В этой связи очень важно определить композиционные и жанровые особенности текста, что позволит прояснить принципы его художественной структуры. Прежде всего следует уточнить, в чем состоял идейно-художественный замысел русского автора. При очевидном сходстве содержания оба произведения имеют значительные сюжетные расхождения. Это особенно заметно, если сопоставить их сюжетные структуры:

Повесть об Оттоне и Олунде ²	Повесть о царице и львице ³
Клевета матери, суд над невинной цесаревой Олундой, ее изгнание с детьми в пустыню	Клевета матери, суд над невинной царицей, ее изгнание с детьми в пустыню
В пустыне одного из детей, Флоренса, похищает обезьяна, у нее ребенка отнимает воин, у воина – разбойники	<i>Эти эпизоды исключены</i>
Второго ребенка, Леона, похищает львица	Львица похищает одного из детей царицы

¹ Термин «рыцарский роман» применительно к памятнику конца XVII в. может быть использован только условно [Панченко, 1970. С. 484]. Более правомерен термин «позднерыцарский роман» (об его отличительных чертах см.: [Там же. С. 480–486]) или «псевдорыцарский роман» [Апсит, 1985. С. 12].

² БАН, 1.А.64, конца XVII в. Л. 5–84, далее О.

³ Текст самой ранней и наиболее распространенной Основной редакции опубликован: [Повесть о царице..., 1988. С. 427–441], далее Ц.

Олунда вскоре находит похищенного львицей ребенка и останавливается у некоего римлянина	Царица с оставшимся при ней ребенком останавливается у некоего христианина
Львица следует за матерью и сыном	Второй ребенок воспитывается львицей в пустыне
У разбойников Флоренса покупает французский купец Климент. Он становится приемным отцом царского сына, учит его торговому делу	<i>Эти эпизоды исключены</i>
Основная часть романа посвящена рыцарским и любовным подвигам Флоренса	<i>Эти эпизоды исключены</i>
На французского короля Дагоберта нападает египетский султан, Дагоберт просит помощи римского цесаря Оттона, который, как и Флоренс, также является доблестным рыцарем	На царя нападает неприятель. Сын, воспитывавшийся царицей, едет защищать отца, который сам в битвах не участвует
Флоренс и Оттон попадают в плен	<i>Эти эпизоды исключены</i>
Из плена их освобождает Леон, второй сын Олунды, приехавший на выручку Дагоберта вместе с матерью	Сын царицы, похищенный львицей, привезен к царю-отцу корабельщиками и защищает его. На поле брани он встречается со своим братом
Происходит встреча Оттона и Олунды и их сыновей. Египетский султан и его дочь принимают христианство	Возвратившиеся с победой юноши на пиру рассказывают свою историю, из которой выясняется, что они братья и сыновья царя. Царь посылает за царицей, она возвращается
Флоренс женится на дочери египетского султана Маркебилле, а Леон – на испанской цесаревне	Повесть кончается прославлением Бога

Повесть об Оттоне состояла из тридцати глав, каждая из которых имела свой заголовок. В Повести о царице и львице деления на главы нет; она намного меньше по объему, чем ее источник. Как видно из приведенного сопоставления, большая часть эпизодов романа отсутствует в русской повести. Представляется очень важным рассмотреть, какие именно эпизоды и почему были опущены русским книжником. Прежде всего обращает на себя внимание исключение сюжетной линии, связанной с судьбой одного из сыновей Олунды – Флоренса. В Повести об Оттоне к ней относились эпизоды, описывавшие похищение Флоренса (сначала ребенка украли обезьяна, затем воин, у воина – разбойники, у разбойников купил Климент), рассказ о воспитании сына цесаря в доме купца Климента и, самое главное, двадцать три главы, посвященные рыцарским и любовным подвигам Флоренса. Русский писатель полностью исключил эту сюжетную линию, тема рыцарства тоже не попала на страницы русской повести.

В Повести о царице и львице первого сына⁴ у царицы никто не похищает, и ребенок все время остается с матерью, она же его воспитывает. После долгих скитаний по пустыне они встречают некоего христианина, давшего им приют.

В Повести об Оттоне другого сына Олунды, Леона, сначала похищает львица, затем на нее нападает гриф и уносит вместе с младенцем на далекий остров. Однако «цесарева», проезжая с корабельщиками мимо острова, куда гриф занес львицу, вскоре находит похищенного ребенка и за-

⁴ Сыновья царицы, как и другие герои русской повести, лишены имен. Это связано с тем, что создатель русской повести применяет художественный прием, характерный для агиографии, – абстрагирование [Лихачев, 1979. С. 102–110]. Опущение личных и географических имен в русской повести продиктовано стремлением автора представить жизнь своих героев как эталон христианских норм, вечный и повсеместный, обязательный для каждого. Не поняв первоначального авторского замысла, позднейшие редакторы вводят имена – их содержат немногочисленные списки Именного варианта Основной редакции.

бирает его у львицы, которая после этого неотступно следует за ними. Олунда и Леон находят приют в доме некоего римлянина⁵. Русский книжник подверг значительному сокращению и упрощению эпизоды, касающиеся похищения второго ребенка. Его крадет тоже львица; но эпизоды нападения на нее птиц и изгнания на остров переданы всего одним предложением. По сравнению с Повестью об Оттоне в русской повести существенно меняется роль львицы. Она украдет ребенка и стала «второй матерью» царского сына и его волшебным помощником. Львица кормит его, воспитывает, вместе с ним побеждает его врагов. Читатель стал воспринимать львицу как одного из главных персонажей повести. Об этом нам позволяет говорить следующее обстоятельство: некоторые списки, содержащие повесть, озаглавлены: «Выписано из древних летописцев о некоей царице, и о чадах ея, и о львице». Эпизод с обретением львицы на острове перешел в русскую повесть также в измененном виде. Корабельщики (уже без царицы, как это было в Повести об Оттоне) проплывают мимо острова, замечают львицу с юношей и отвозят их к царю, который, как выяснится позже, – его отец.

Русский книжник не только сократил количество персонажей и эпизодов, но и значительно ускорил события, благодаря тому что опустил большое количество монологов и диалогов, описаний, подробностей. Кроме уже отмеченных эпизодов похищения детей,

весьма показательны в этом отношении сцены в спальне царицы, суда над ней, ее изгнания и многие другие [Чалкова, 1985. С. 102–103]. Все эти преобразования проведены русским автором с единственной целью – сделать центральной темой, показавшуюся ему особенно важной, а именно тему оклеветанной и изгнанной царицы. Он сосредоточил свое внимание на описании мучений, выпавших на ее долю. В результате различных изменений, переосмыслений, сокращений русская повесть становится четкой и логичной, а главная тема развивается очень динамично, постоянно находясь в центре внимания автора и читателя.

Мотив мученичества, разрабатываемый в русской повести, по-видимому, продиктовал использование новой, отличной от жанра романа-источника, формы. Создатель русской версии обратился к традиционному жанру жития, функции которого, однако, в XVII в. начали изменяться. Оно не было теперь исключительно церковным жанром, а могло быть специально предназначено для чтения. Образованный, начитанный книжник XVII в. использовал хорошо известную ему и его читателям схему мученических житий (житий-маририев, житий-мучений), положив ее в основу композиции своего произведения⁶. Это особенно заметно, если сравнить эпизоды сюжетной схемы раннехристианского мученического жития, охарактеризованной В. П. Адриановой-Перетц [1970. С. 67–68], с текстом повести:

Житие-мучение	Повесть о царице и львице
Требование принести жертву языческим богам, которое отказывается выполнять христианин	Требование царя и его матери, чтобы царица призналась в своей супружеской неверности. Царица отказывается выполнять его, так как она невиновна и оклеветана напрасно
Чудесное исцеление мученика, если его, истерзанного, бросают в тюрьму	Царицу с детьми бросают в тюрьму, где она не погибла, но была «истомлена зело от поста и печали»

⁵ Замена «римлянина» на «христианина» – одно из средств русификации Повести об Оттоне. На изменение социального облика героя как на чрезвычайно важную черту русификации переводных памятников указывала Е. К. Ромодановская [1977. С. 173].

⁶ На тип мученического жития ориентировался протопоп Аввакум при создании своей знаменитой автобиографии [Демкова, 2008. С. 74–75]. Автор Повести о царе Аггее рассчитывал сюжетные ходы своего произведения в соответствии с общей идеей и фабулой Жития Алексея, человека Божия [Ромодановская, 1985. С. 82–84]. Возможно, мы имеем дело с характерным для литературы переходного периода явлением, когда традиционные формы житий наполняются новым содержанием. Для окончательных выводов требуется привлечение и изучение более широкого круга литературных памятников отечественной беллетристики конца XVII в.

«Прение о вере» между язычником, представителем власти, и христианином, этот диалог наполняется богословскими рассуждениями христианина и обвинениями его в волшебстве и чародействе, если мученик во время спора совершает чудеса	Во время суда «прение о вере» в невиновность царицы составляет суть диалога между царем и царицей и сопровождается многочисленными обвинениями со стороны супруга. Царица обращается с молитвами о помощи к Богу и Богородице
Гиперболизированное, иногда до полного неправдоподобия, описание мучений, причём мучимый остается невредимым	Царицу оклеветали, бросили в тюрьму, хотели сжечь на костре, изгнали из царства, одного ее ребенка украла львица ⁷ , с другим она скиталась, до тех пор пока не нашла приют у некоего христианина, в доме которого оставалась долгих пятнадцать лет. Но она остается невредимой, возвращается, ее невиновность доказана
Посмертные чудеса	«Прижизненные чудеса»

Таким образом, в Повести о царице и львице обнаруживаются все эпизоды, из которых слагалась сюжетная схема жития-маририя. Необходимо подчеркнуть, что сюжет Повести об Оттоне первоначально также имел житийную трактовку. На близость этого романа и Жития Евстафия Плакиды указывали Ю. Кжижановский [Krzyżanowski, 1962. S. 59] и В. Жирмунский [1979. С. 62]⁸. Центральная тема Повести о царице и львице выстраивается по канонам жития. Это означает, что сюжет об оклеветанной жене приобретает дидактический характер.

Н. С. Демкова очень точно отметила способность писателей конца XVII в. опираться на традицию только отчасти, по мере ее соответствия их замыслу [2008. С. 80]. Создатель Повести о царице и львице уже мыслил по-новому, обладал авторской свободой, что позволило ему творчески подойти к традиционному жанру. Он использовал традиционную схему жития-маририя, но перевел повествование в другую, почти бытовую плоскость. Например, один из ключевых эпизодов жития – «прение о вере» – в русской повести трансформируется в «прение» о невиновности супруги царя. Основная художественная задача русского писателя состояла в том, чтобы наиболее полно показать христианские добродетели главной

героини. Он проводит царицу через целую цепь испытаний (см. выше), чтобы продемонстрировать ее покорность, кротость, долготерпение и веру. Своеобразным замещением посмертных чудес служит следующая ситуация. Царица обращается к царю с просьбой, «еже отпустить осужденных на смерть, и темничным разрешение, и отдати долги должником» (Ц. С. 441). Русский книжник констатирует: «И сотворися тако» (Там же). Таким образом, в повести присутствует описание «прижизненных чудес», хотя и в кратком виде.

Влияние романа-источника выразилось в сохранении некоторых сюжетных ходов. Создатель Повести о царице и львице убедительно показывает полную драматизма разлуку царя и царицы после несправедного суда. Ярко и образно он описывает ее чудесное спасение от смерти в пустыне. Неожиданная встреча и радостное узнавание царем своих сыновей на пиру по случаю победы стала одной из лучших сцен русской повести. Все эти эпизоды во многом определили ее занимательность. Следует подчеркнуть, что для ее героев характерна чрезвычайно повышенная эмоциональность и экспрессия, свойственные агиографическому стилю. Так, например, царица, узнав, что ее сын найден, «плакашеса, едва от радости не умре» (Ц. С. 440).

⁷ «Царица же она, взя младенца другаго на руку свою и велми востенав горко, со слезами, в жалости сердца глаголя: “Боже, создателю мой, паки оставил мя еси, *люте мучиму быти* (курсив наш. – Т. Ч.) отлучением чада моего и горкою смертию его узвихся?”» (Ц. С. 431).

⁸ Интересно отметить, что переделка XIX в. Повести о царице и львице И. С. Мяндиным осуществлена на основе компиляции именно с Житием Евстафия Плакиды [Чалкова, 1987].

По-видимому, с целью сделать увлекательным свое произведение русский писатель ориентировался и на волшебную сказку⁹. Однако Повесть о царице и львице лишена сказочной поэтики, поскольку при изображении событий и персонажей автор придерживался стиля, характерного для агиографических произведений, осложненных фольклорными мотивами. Совсем не случайно сохранен им эпизод похищения ребенка львицей – это очередное «мучение» и испытание царицы. Тема волшебного помощника также разработана в агиографическом ключе. На «сказочную» львицу писатель возложил особую функцию – быть посланником Бога и помощником тому, кому она послана. Львица подарена царице Богом за ее долготерпение и кротость, так как, помогая сыну царицы, львица тем самым помогает и ей самой.

Таким образом, можно видеть взаимопроникновение жанровых элементов, образующих художественную структуру повести. Ее основу составили некоторые сюжетные ходы романа-источника, изложенные в форме жития-маририя и дополненные сюжетными эпизодами, характерными для волшебной сказки. Это соединение очень органично, что говорит о большом литературном мастерстве автора Повести о царице и львице. Так под его пером житие-маририй превращается в увлекательный рассказ.

Обязательный элемент житий и средневековой литературы вообще – конфликт добра и зла. Именно он составляет основу русской повести. Оппозиция «мать царя (злая жена) – царица (добрая)» в источнике не была явно выражена, так как тема оклеветанной царицы не являлась главной в Повести об Оттоне, изображавшей рыцарские подвиги. Двигателем сюжета в русской повести является антипод благочестивой царицы – мать царя, «злая ехидна, лукавая змея, скорпия»: автор не скупится в подборе отрицательных эпитетов для характеристики этого персонажа. Их набор традиционен для характеристики злых жен в древнерусской литературе [Титова, 1987] и стилисти-

чески соотносится с бытовой повестью. Смерть матери царя в конце повести – граница между несчастливым положением героев, их разлукой и счастливой развязкой, встречей.

Переплетение сюжетной линии мать царя – царица с линиями двух сыновей оттеняет художественное своеобразие произведения. В описании приключений сыновей царицы использован параллелизм, одновременность событий подчеркнута словосочетанием «в то же время». Благодаря этому художественному приему русский книжник мастерски заполняет тот пробел, который существовал в описании судьбы Леона, воспитывавшегося Олундой. Прием художественного параллелизма, использованный им при описании приключений сыновей царицы, характерен для многих произведений этого периода русской литературы. В частности, параллелизм определяет структуру Повести о Марфе и Марии [Брун, 1980].

В отличие от царя и царицы, которые в русской повести бездеятельны и покорны, сыновья царицы сохраняют качества, присущие рыцарям – героям Повести об Оттоне. Они храбры и бесстрашны, впрочем, как и русские былинные богатыри. Подобно героям эпоса, они в одиночку сражаются с неисчислимой ратью. В целом сцена сражения дана предельно кратко и представлена в традициях русской воинской повести.

Изменение сюжетных ходов привело к изменению структуры произведения. Как было показано А. В. Липатовым, Повесть об Оттоне – «роман многоплановый, с переплетающимися сюжетными линиями, сюжетными ответвлениями в виде вставных новелл, продолжающих или расширяющих отдельные аспекты предшествующей сюжетной линии. Эти ответвления тормозят главное сюжетное развитие, расширяя сферу повествования, придавая ей полифоничность» [1977. С. 125].

Каждая часть Повести о царице и львице могла бы служить вполне законченным рассказом, она имеет свою завязку, кульминацию и развязку, т. е. представляет собой относительно замкнутое единство, в то же

⁹ Повесть о царице и львице выстроена как сложная трехходовая сказка с переплетением ходов, когда каждое новое нанесение вреда создает новый ход [Чалкова, 1985. С. 107–108].

время являясь необходимым элементом повествования, при этом последующий эпизод продолжает предыдущий, составляя единую цепочку, в отличие от «разветвленной» структуры Повести об Оттоне¹⁰.

Итогом всех проведенных русским книжником изменений стала следующая структура Повести о царице и львице, в которой четко выделяются четыре части.

1. Завязка: клевета матери, суд над невинной царицей, ее изгнание.

2. Развитие действия: описание мучений царицы (кража ребенка львицей, скитание по пустыни, приют в доме христианина) и приключений ее сыновей (параллельные сюжетные линии).

3. Кульминация: пир у царя, узнавание.

4. Развязка: смерть матери царя. Возвращение царицы.

Структуру повести нагляднее всего представить в виде схемы, где, как видим, сюжетная линия царицы занимает центральное место:

<i>Завязка</i>		
Клевета матери царя Суд над невинной царицей Изгнание с детьми		
<i>Развитие действия</i>		
Первый сын, оставшийся с матерью	Царица	Второй сын, украденный львицей
Встреча христианина Примерка оружия Желание идти на бой Благословение матери Участие в бою, победа	Кража ребенка царицы Скитание по пустыни Приют в доме христианина	Встреча корабельщиков Примерка оружия Желание идти на бой Благословение отца Участие в бою, победа
<i>Кульминация</i>		
Пир у царя Рассказ первого сына Рассказ второго сына Узнавание		
<i>Развязка</i>		
Смерть матери царя Возвращение царицы Встреча царя с царицей		

Сопоставление Повести о царице и львице с ее источником показало, что автором был реализован замысел, обусловивший и объединивший все частные изменения. Его целью было создать на основе занимательного сюжета христианско-дидактическое произведение. Примером других «дидактических» редакций позднерыцарских романов могут служить, в частности, «агиогра-

фическая» редакция Повести о Петре Златых Ключей [Кузьмина, 1964. С. 275–331], Тихонравовская редакция Повести об Аполлонии Тирском [Соколова, 1982. С. 10–12], Первая распространенная редакция Повести о Францеле Венециане [Апсит, 1985. С. 7]. Такие обработки в духе религиозно-христианской идеологии показывают, что процесс обмирщения русской литературы

¹⁰ Аналогичный принцип построения наблюдается, например, в Повести о Петре и Февронии [1979. С. 6–35].

XVII в. не был простым и прямолинейным. И хотя герои русской повести житийно условны, они были близки и понятны демократическому читателю, еще не освоившему до конца не только новые темы, но и новую функцию литературы – быть развлечением. Однако благодаря увлекательному сюжету, с одной стороны, и «душеполезности» – с другой, Повесть о царице и львице удовлетворяла самым разным, в том числе и новым читательским вкусам.

Главное отличие Повести об Оттоне и Повести о царице и львице заключается не столько в сокращении, даже весьма значительном, переводного памятника, сколько в изменении самой идеи и перенесении «центра тяжести» произведения с рыцарских подвигов Флоренса на испытания, выпавшие на долю его матери. По идейно-художественному замыслу русского автора, в образе царицы, напрасно гонимой, страдающей, но кроткой, покорной воле Бога, живущей по нормам христианской этики и испытывающей, в конце концов, на себе Божью справедливость, древнерусский читатель должен был увидеть идеал поведения. Описание мучений царицы вполне укладывалось в традиционную схему жития-мученика, а сказочный сюжет был привлечен, чтобы воплощение авторской идеи было наглядным и красочным, а воздействие на читателя – сильным.

Таким образом, в результате изменений художественная структура Повести об Оттоне и Олунде оказалась полностью разрушенной: позднерыцарский роман превратился в религиозную повесть. Повесть о царице и львице имеет значительные сюжетные и, как следствие этого, композиционные отличия от Повести об Оттоне; нова и оригинальна ее чрезвычайно сложная жанровая природа, характеризующаяся гетерогенностью, где доминантой выступает житие-мученика; использован агиографический метод изображения событий и персонажей, обусловленный христианской идеологией и стремлением русского автора к дидактичности [Чалкова, 1985]. Сопоставление текстов Повести об Оттоне и Повести о царице и львице приводит к следующему выводу: изменения, осуществленные русским книжником, сделали художественную структуру Повести о царице и львице принципиально отличной от структуры романа-источника, что позволяет считать русскую

повесть оригинальным произведением, связанным с первоисточником общим сюжетом, точнее, его частной темой – об оклеветанной жене.

Список литературы

Адрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе: Коллект. моногр. / Под ред. Я. С. Лурье. Л.: Наука, 1970. С. 67–107.

Асцит Т. Н. Повесть о Францеле Венециане – памятник русской литературы первой трети XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 17 с.

Брун Т. А. К вопросу о возникновении Сказания об Унжеском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси: Сб. науч. ст. Л.: Наука, 1980. С. 216–226.

Демкова Н. С. О жанровой ориентации автобиографических житий протопопа Аввакума и инока Епифания // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте: Сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 2008. С. 67–80.

Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад: Моногр. Л.: Наука, 1979. 496 с.

Липатов А. В. Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье. Возрождение. Барокко: Моногр. М.: Наука, 1977. 302 с.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы: Моногр. М.: Наука, 1979. 360 с.

Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей: Моногр. М.: Наука, 1964. 344 с.

Панченко А. М. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе: Коллект. моногр. / Под ред. Я. С. Лурье. Л.: Наука, 1970. С. 476–491.

Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текста и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л.: Наука, 1979. 348 с.

Повесть о царице и львице / Подгот. текста и коммент. Т. Ф. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Книга первая. М.: Худож. лит., 1988. С. 427–441, 653–654.

Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII – начала XVIII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1977. Т. 33. С. 164–174.

Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX веков: Моногр. / Под ред. Л. А. Дмитриева. Новосибирск: Наука, 1985. 383 с.

Соколова Л. В. Литературная история Повести об Аполлонии Тирском: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 19 с.

Соколова Л. В. Повесть о цесаре Оттоне и Олунде // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. П–С. С. 233–237.

Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе: Моногр. Новосибирск: Наука, 1987. 415 с.

Чалкова Т. Ф. О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма (Археография и источниковедение Сибири): Сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 1985. С. 98–113.

Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России: Сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 1987. С. 234–248.

Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. П–С. С. 231–233.

Чалкова Т. Ф. Литературная история Повести о царице и львице: к постановке проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 2: Филология. С. 82–87.

Košny W. Das Deutsche Volksbuch vom Kaiser Octavian in Polen und Russland. Berlin, 1967. 215 s.

Krzyżanowski J. Romans polski wieku XVI. Warszawa: Wyd. PIW, 1962. 325 s.

Matek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1983. 334 s.

Материал поступил в редколлегию 09.12.2010

T. F. Chalkova

THE POVEST O TSARITSE I LVITSE: FEATURES OF ART STRUCTURE

Features of art structure of the Povest o tsaritse i lvitse have been considered. The story based on the medieval novel about Otton and Olunda was popular in Russian literature at the end of XVII – XIX centuries. The tortures happened in the life of the slandered tsaritza have become the central theme of the Russian story and have caused considerable changes in its structure. Comparison of the texts of the Povest ob Ottone and the Povest o tsaritse i lvitse allows to make a conclusion that the Russian story is the original product connected with the primary source by the general plot.

Keywords: Povest o tsaritse i lvitse, Povest ob Ottone i Olunde, art structure, life-martiry, fairy tale.